

Научная статья

УДК 821.112.2'246=161.1

DOI: 10.24412/2076-913X-2024-456-76-89

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БИЛИНГВИЗМ
РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ****Меркурьева Вера Брониславовна**Иркутский государственный университет,
Иркутск, Россия,vbmerk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1326-1002>

Аннотация. Объектом исследования выступает художественный дискурс российских немцев последних ста лет. Конкретная, законченная и зафиксированная единица изучения художественного дискурса — это художественный текст, являющийся результатом творчества билингвальной личности. Он представляет собой малоизученный лингвистический объект, требующий пристального внимания ученых-лингвистов.

Предмет изучения — художественный билингвизм российских немцев, созданный писателями — российскими немцами, в диахронии. В статье анализируется языковая личность российского немца, являющегося билингвом, а именно типовая языковая личность, изображенная в художественном дискурсе. Заметим, что до сих пор в центре исследований находилась языковая личность индивидуальности.

Проведенный анализ, основанный на понятии билингвизм, позволяет уточнить понятие художественного билингвизма, выявлены релевантные и не столь существенные критерии при выборе способа выражения или описания двух культур двумя языковыми системами. Анализ художественного дискурса в диахронии показал, что существует большое разнообразие текстов, являющихся результатом творчества билингвальной личности, с годами меняется количественная составляющая русского языка (число лексем, предложений, реплик), что никоим образом не сказывается на сути понятия художественного билингвизма. В статье показаны приемы комбинирования двух языковых кодов (немецкого и русского) и результаты взаимодействия двух языковых культур, определены дальнейшие перспективы исследования художественного билингвизма российских немцев.

Ключевые слова: билингвизм, российские немцы, художественный билингвизм, макароническая песня, идентичность, творческая билингвальная личность.

Для цитирования: Меркурьева, В. Б. (2024). Художественный билингвизм российских немцев. *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 4(56), 76–89. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2024-456-76-89>

Original article

UDC 821.112.2*246=161.1

DOI: 10.24412/2076-913X-2024-456-76-89

**LITERARY BILINGUALISM
OF RUSSIAN GERMANS****Vera B. Merkurjewa**Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia,vbmerk@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1326-1002>

Abstract. The object of the study is the literary discourse of Russian Germans of the last hundred years. A specific, complete and recorded unit of study of literary discourse is a literary text, which is the result of the creativity of a bilingual person. It is a little-studied linguistic object that requires close attention from linguists.

The subject of the study is the literary bilingualism of Russian Germans, created by writers — Russian Germans, in diachrony. The article analyzes the linguistic personality of a Russian German who is bilingual, namely, a typical linguistic personality depicted in literary discourse. Note that until now the linguistic personality of individuality was in the center of research.

The conducted analysis, based on the concept of bilingualism, allows us to clarify the concept of literary bilingualism, namely, relevant and less significant criteria when choosing a way to express or describe two cultures by two language systems. The analysis of literary discourse in diachrony showed that there is a wide variety of texts that are the result of the creativity of a bilingual person, over the years the quantitative component of the Russian language (the number of lexemes, sentences, remarks) changes, which in no way affects the essence of the concept of literary bilingualism. The article shows the techniques of combining two language codes (German and Russian) and the results of the interaction of two language cultures, further prospects for studying the artistic bilingualism of Russian Germans are determined.

Keywords: bilingualism, Russian Germans, literary bilingualism, macaronic song, identity, creative bilingual personality.

For citation: Merkurjewa, V. B. (2024). Literary bilingualism of Russian Germans. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 4(56), 76–89. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2024-456-76-89>

Введение

Понятия «билингвизм российских немцев» и «языковая личность» тесно связаны. Языковая личность российских немцев — это уникальный мегаобъект лингвистических исследований, в изучение которого российские германисты внесли значительный вклад (В. М. Жирмунский, А. И. Домашнев, Н. Д. Светозарова, Л. И. Москалюк, З. М. Богославская, Л. Н. Пузейкина, О. Н. Александров и др.). Заметим, что приобретенный

учеными билингвизм позволяет им глубоко проникать в суть языковых проблем именно российских немцев.

Существует два способа для анализа языковой личности российских немцев: во-первых, полевые исследования, которые затруднены по техническим причинам даже в местах компактного проживания немцев, а также в связи с миграционными процессами, а именно переселением большинства российских немцев на их историческую родину; во-вторых, изучение художественного, публицистического, мемуарного дискурсов российских немцев, которое сейчас активно ведется.

Представленный в текстах билингвизм российских немцев позволяет, с нашей точки зрения, судить о реальном билингвизме. В художественном дискурсе происходит немеханическое отображение действительности, поскольку в нем во главе угла стоят художественные задачи авторов — российских немцев. Продуманное изображение билингвизма, подача материала таким образом, когда заостряются определенные тематические моменты, делаются пропагандистские и идеологические акценты и т. д. — все это отличает билингвизм от художественного билингвизма подобно тому, как реальная жизнь отличается от художественного произведения.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили тексты художественного дискурса разных жанров и различных исторических эпох. Целью данной статьи является изучение художественного билингвизма российских немцев в диахронии, насколько это возможно в ограниченных рамках статьи. В результате исследования был решен ряд задач: установлено, каким образом меняется художественный билингвизм с течением времени, что именно удастся авторам — российским немцам показать при помощи соположения иноязычных единиц разного объема. Методы лингвистического исследования, используемые в данной статье, обусловлены характером материала, целью и задачами. Методологической основой служит теория текста и дискурса. Мы применяем методы филологического, в частности дискурсивного, анализа.

Результаты исследования

Прежде всего, кратко остановимся на понятии «билингвизм». Достаточно известным считается определение билингвизма В. Ю. Розенцвейга. В своей книге «Языковые контакты» он пишет, что, «билингвизм — это владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения» (Розенцвейг, 1972, с. 19).

Синонимом термина «билингвизм» выступает термин «двуязычие». Так, У. Вайнрайх в книге с одноименным названием отмечает: «Практику попеременного пользования двумя языками мы будем называть двуязычием, а лиц, ее осуществляющих, двуязычными» (Вайнрайх, 1979, с. 22).

В обеих дефинициях общей является фраза «попеременное использование двух языков». Обратим внимание на эту деталь, которую мы позже прокомментируем в отношении уже нашего эмпирического материала. Самое распространенное определение билингвизма, или двуязычия, — это свободное владение двумя языками одновременно (Балеевских, 2002).

Билингвизм существует за счет взаимопроникновения культур и языков в процессе длительного и непосредственного контакта. Помимо этого, он также помогает общению; способствует сотрудничеству, сближению и взаимопомощи в общественной и политической жизни; культурному обмену между двумя народами; уменьшает языковые барьеры при коммуникации представителей разных национальностей, выступая инструментом, исключающим возможность взаимоизоляции народов; способствует распространению языка межнационального общения, а также взаимному обогащению, т. е. пополнению и расширению лексического состава сосуществующих языков, участвующих в общем коммуникационном процессе и влияющих друг на друга (Рябцева, 2011, с. 122).

Очевидно, что в любой стране в среде мигрантов встречаются те или иные формы билингвизма, включая и его редкие проявления. Для возникновения языковых контактов эта среда самая благоприятная (Шамне, 2008, с. 73).

Отдельно остановимся на понятии *художественный билингвизм*. Будучи более узкой областью исследования, данное явление приобретает свои специфические особенности в зависимости от различных территориальных, культурных, исторических и других условий. В лингвистическом аспекте художественный билингвизм «представляет собой неоднородную и одновременно цельную речевую ткань, в которой зафиксировано два речевых кода» (Туксаитова, 2005, с. 201).

В качестве определения художественного билингвизма удачной считаем дефиницию доктора филологических наук У. М. Бахтикиреевой: «Художественный билингвизм — это особый вид речемыслительной деятельности творческой билингвальной личности, которая путем усвоения способов осмысления действительности, выработанных предшествующими поколениями первичной и вторичной культур, получает доступ к достижению общественного сознания обеих и способами их выражения/описания двумя языковыми системами» (Бахтикиреева, 2005, с. 7). Ученому удалось выявить универсальные характеристики лингвистического понятия *художественный билингвизм*, поэтому приведенное определение вполне можно взять за основу для исследований, выполненных на различном эмпирическом материале.

Яркий пример становления художественного билингвизма российских немцев — это макаронические⁶ песни, представляющие собой двуязычные поэтические тексты.

Макаронизм возник еще в Античности и постоянно переосмыслялся. Отметим то обстоятельство, что в любом двуязычном произведении первый и второй языки никогда не бывают потенциально равными: даже при большом обилии иноязычной лексики в тексте легко можно выделить второй язык, который в структуре текста пребывает в позиции подчинения по отношению к первому языку (Николаев, 2004).

Даже в макаронических песнях, где эффект во многом основан на расширенном присутствии иноязычия, второй язык также имеет подчиненное положение: это ясно хотя бы из того, что макаронизм по определению есть лексический элемент, вносимый в речь «с неизбежным искажением его звуковой формы» (Ахманова, 2013, с. 223).

Немецко-русская смешанная песня «Du schönes Eupatoria» — это юмористическое восхваление курорта Евпатория на западном побережье полуострова Крым. Песня предположительно появилась в 1900 году в одном из поселений в Крыму и до сих пор существует только одна ее запись. Она была сделана в 1927 году В. М. Жирмунским в колонии Ней-Дармштадт на полуострове Крым.

1. Du schönes Eupatoria,
Du wunderschöne Stadt!
Мы знаем по история
In dir ist schönes Bad.
2. Ай люли, люли, люлечки,
Дядюшки мои.
Яшка, Мишка, Ванька, Гришка —
Es kommt noch der Максим.
3. Bei mir bei schöner лавочка
Отличнейший бульвар.
Есть музик и фонарики
Ist lustig wirklich wahr.
4. Торгуют здесь отличнейший
Mit Wolle und mit Salz,
И кушают приличнейший
Бифштекс mit Schafenschmalz.

⁶ Макароническая поэзия (*нем.* Knödeldichtung, *итал.* poesia maccheronica, от maccheroni — макароны, блюда, воспринимавшегося как грубая крестьянская пища, ср.: названия вроде «кухонная латынь»; ср.: у Фишарта «Nuttelverse» — от *нем.* Nudel) — это вид шуточной поэзии, написанной особым смешанным жаргоном, в котором слова одного языка чередуются со словами другого языка, подчиняясь при этом законам морфологии первого языка (Меркурьева, Каскевич, 2017, с. 65).

5. Im Winter und zur Sommerzeit

Ist's очень весело.
Все ночи на бульвар гулять
Как Царское Село.

(Du schönes Eupatoria, 2013)

К 1900 году портовый город Евпатория стал популярным черноморским курортом. В двуязычном тексте песни он восхваляется как чудесный город, в котором приятно жить и который ничуть не уступает по привлекательности Санкт-Петербургу. В песне перечисляются различные развлечения в Евпатории. Двуязычность используется здесь для образования веселой рифмы.

Проанализируем лексическое наполнение данной песни. Здесь, как и во многих других песнях немецких колонистов, довольно часто встречаются топонимы, обозначающие излюбленные места отдыха. Текст данной песни полностью посвящен курортному городу Евпатории, название которого передано латиницей: *Eupatoria*. Упоминается и *Царское Село*, район вокруг Санкт-Петербурга, с которым сравнивается Евпатория, название которого, в свою очередь, передано кириллицей.

Отдельного упоминания заслуживают личные имена. В тексте данной песни среди русских имен называются *Мишка*, *Ванька*, *Гришка* и *Максим*. Примечательно, что имя Максим в немецком контексте приобретает типичный для немецкого языка артикль *der*: *Es kommt noch der Максим*. Помимо артикля, русские имена существительные в этой песне сочетаются с немецкими прилагательными, согласуясь с ними в роде, числе и падеже, что мы и наблюдаем во фразе *bei schöner лавочка*.

Вторая строфа начинается с типичных песенных элементов русского языка: *Ай люли, люли, люлечки*. Они связываются с немецкоязычными строками, создавая таким образом непринужденные и забавные сочетания. Затем следует словосочетание *Дядюшки мои*, в основу которого, скорее всего, легло русское устойчивое выражение «Батюшки мои!», со случайной заменой первого компонента, так как контекстом слово *дядюшки* никак не поддерживается.

В песне встречаются лексемы, относящиеся к тематической группе «веселье» или «праздник». Они обозначают, прежде всего, положительные эмоции: прилагательные *schön* (два раза), *wunderschön*, а также наречие *весело* и его немецкий эквивалент *lustig*, даются характеристики предметов/явлений: два русских прилагательных в превосходной степени *отличнейший*, *приличнейший*. Кроме этого, употребляются лексемы *музик* и *фонарики* в следующем контексте: *Bei mir bei schöner лавочка // Отличнейший бульвар. // Есть музик и фонарики // Ist lustig wirklich wahr*. Наличие русского контекста, а также ударение на первом слоге в слове *музик* позволяют сделать предположение об употреблении русского слова «музыка» с усечением последнего гласного. Не исключено и влияние немецкого языка — только ударение в слове *Musik* перенесено на другой слог.

Лексема *торговать* встречается во фразе: *Торгуют здесь отличнейший // Mit Wolle und mit Salz*. При этом отсутствующий в немецком языке творительный падеж заменяется сочетанием предлога «с» с существительными по аналогии с немецким глаголом *handeln mit D* в значении *verkaufen*.

Отметим некоторые грамматические особенности, воспринимаемые с позиции носителей русского языка как ошибки. Во фразе *Мы знаем по история существительное история*, вопреки правилам русского языка, не склоняется. Во фразе *Все ночи на бульвар гулять // Как Царское Село* в первом случае неудачен выбор предлога, во втором он отсутствует, и, соответственно, неверен выбор падежных форм имен существительных. Эти так называемые ошибки с позиции носителя русского языка являются особенностями языка российских немцев. Таким образом, на стадии становления художественного билингвизма в данном тексте отражено несовершенное владение русским языком российскими немцами.

Макаронические песни были популярны у немецких колонистов в начале XX века примерно до 30–40-х годов. Как отмечает немецкая исследовательница макаронических песен российских немцев И. Берглеф, после сталинской эпохи они практически исчезают (Bertleff, 2010).

Повседневный контакт российских немцев с коренным населением — русскими находит постоянное отображение в художественном дискурсе уже более поздних времен:

Dann schaute er nach oben und rief dem Schobersetzer zu: «Hei du dort, du schoberst jo schepp!»

«*Tschawo?*» fragte jener, ein Russe mit Namen Nikita.

«*Tschawo, tschawo, kriwoi poschol!*» rief der Wirt aus vollem Hals und fuchtelte mit dem Stock herum.

Der Streit zwischen dem Wirt und Nikita, der schon bejahrt und kränklich war, ging jetzt russisch weiter und endete damit, daß Nikita die Gabel ins Stroh steckte, vom Schober stieg und die Tenne verließ, ohne sich umzuschauen. Der Wirt schaute ihm unwillig nach und spuckte vor Ärger. Als er sah, daß alle Augen auf Niita gerichtet waren, brüllte er wütend:

«Was gafft r dem noch? Der kommt morche sowieso widr!...» (Köln, 1982, S. 65–66).

(«Затем он поднял голову и крикнул укладчику стогов: «Эй, ты там, ты бездельничаешь!»)

«*Чаво?*» — спросил тот, русский по имени Никита.

«*Чаво, чаво, кривой пошел!*» — крикнул во весь голос трактирщик и замахал палкой.

Спор трактирщика с Никитой продолжился по-русски и кончился тем, что Никита, вонзив вилы в солому, слез с амбара и, не оглядываясь, ушел с гумна. Трактирщик возмущенно посмотрел ему вслед и в гневе плюнул. Увидев, что все взгляды обращены на Никиту, он сердито крикнул:

«Что уставились на него? Все равно завтра вернется...»). (Здесь и далее перевод и курсив (исключение — курсив в авторских ремарках в отрывках из драм) наши. — В. М.).

Повествование в прозе ведется на литературном немецком языке. На русском говорит не только Никита (в тексте уточняется, что он русский по национальности), но и трактирщик (российский немец). Трактирщик повторяет простонародно сформулированный вопрос «Чаво, чаво», передразнивая Никиту. Знания русского у него хорошие, он говорит о том, что при укладке стогов допущена небрежность и они становятся поэтому кривыми. Работодатель (трактирщик) и Никита продолжают спор на русском языке, о чем сообщает повествователь. Результатом спора является окончательная ссора мужчин, Никита демонстративно уходит. Все немцы наблюдают за ситуацией, и их симпатии явно на стороне Никиты. До диалога с Никитой и после него трактирщик говорит на немецком диалекте.

Русский язык используется, таким образом, не только для индивидуальной характеристики русских, но и для характеристики российских немцев, отлично понимающих нюансы русского языка, правильно воспринимающих его стилистическую окраску и безукоризненно владеющих им как родным. Заметим, что писатель Райнхард Кёльн в тексте, опубликованном в 1982 году, не семантизирует и не переводит русские слова и фразы. Немцы, жившие в то время в Федеративной Республике Германии (ФРГ), не поняли бы этот отрывок текста. Текст опубликован в советском альманахе *Heimatliche Weiten* («Родные просторы»), рассчитан на реципиентов — российских немцев, проживавших в то время в Советском Союзе, поскольку они все были билингвами и понимали оба языка.

Приведем еще один эпизод из драмы постсоветского периода Виктора Гейнца «*Menschen und Schicksale*»:

Учитель разговаривает с Петером о выселении российских немцев с территории Поволжья, он эмоционально и детально рассказывает, как быстро были вывезены все люди и как не успели вывезти животных. На следующий день после депортации по пустым улицам ходили недоенные коровы, лошади бродили по пшеничному полю, переждали и умирали и т. д. Петер просит учителя оставить мрачные мысли, поскольку уже ничего нельзя изменить. Учитель отвечает:

Lehrer: Oh, Kinder, Kinder! Wie kann man so was vergessen?! Das Herz blutet einem jetzt noch. Ich wollte unsere Begleitung darauf aufmerksam machen. Das darf man doch nicht einfach stehen-und liegenlassen, hab ich gesagt. Da muß doch jemand Ordnung schaffen, hab ich gesagt. Das ist nicht deine Sache! War die Antwort. Ne ssui nos ne w swojo delo! (Heinz, 1993, с. 116)

(«О, дети, дети! Как можно забыть такое?! Мое сердце все еще кровоточит. Я хотел, чтобы наш спутник знал об этом. Ты не можешь это просто так оставить, вот что я сказал. “Кто-то должен навести порядок”, — сказал я. Это не ваше дело! Таков был ответ. *He sуй nos ne в свое дело*»).

Реплика на русском языке *Ne ssui nos ne w swojo delo!* написана латиницей. Она явно принадлежит представителю власти, который позволяет себе окрик и неуважительное отношение к учителю, начальник использует в обращении форму «ты» во время разговора с ним. Реплика категорична, имеет грубый

стилистический окрас и негативно характеризует русского персонажа — представителя власти.

Часто (но не всегда) русский язык используется для создания литературного портрета отрицательных персонажей, преимущественно русских. В этой же драме к русскому языку прибегает положительная героиня — молодая российская немка в минуту эмоционального взрыва.

Ss-führer: Doch-doch. Sie werden es bitter bereuen. Das können Sie mir glauben. Es ist eine Schande, gegen sein eigenes Volk aufzutreten. Ein Verbrechen ist's, möchte ich sagen!

Rosa die Fäuste ballend am ganzen Leibe zitternd: Moltschi, swolotsch! Will sich auf den SS-Führer stürzen.

.....

Ss-führer: Schade, schade, daß wir uns nicht verständigen können. Alles ist nur Einbildung...euer Patriotismus...eure Völkerfreundschaft... Hirngespinnste! Blödsinn!

Rosa: die sich auf den SS-Führer stürzt und mit den Fäusten sein Gesicht bearbeitet. Swolotsch ty swolotsch! Da samoltschisch ty nakonez!

.....

Rosa: Nenawishu! Wsjo nenawishu! Wsech was nemzew! Wasch prokljatyj nemezkiy jasyk! Wsech! (Heinz, 1993, S. 94–95).

(Фюрер СС: Да, да. Вы горько об этом пожалеете. Вы можете мне поверить. Стыдно идти против своего народа. Это преступление, я бы хотел сказать!

Роза сжимает кулаки и трясется всем телом: Молчи, сволочь! Хочет наброситься на фюрера СС.

.....

Фюрер СС: Жаль, жаль, что мы не можем общаться. Все — только ваше воображение... ваш патриотизм... ваша дружба между народами... фантазии! Ерунда!

Роза: которая бросается на фюрера СС и бьет его кулаками по лицу. Сволочь ты, сволочь! Да замолчи ты наконец!

.....

Роза: Ненавижу! Все ненавижу! Всех вас немцев! Ваш проклятый немецкий язык! Всех!

В данном эпизоде показано, как девушка Роза, из русских немцев, переходит на русский язык в состоянии крайнего возбуждения и гнева. Она набрасывается на немца (фюрера СС) с кулаками и бьет его. Русские фразы оформлены латиницей, они были бы непонятны для немецкого читателя (не российского немца), как они непонятны и для фюрера СС.

Роза названа так в честь Розы Люксембург, из контекста драмы известно, что она очень любит немецкий язык, литературу и культуру. Она дистанцируется в данной ситуации от всех немцев, переходит на русский язык в знак протеста против фашистских злодеяний и пропагандистской фашистской

демагогии взятого в плен фюрера СС. Позже девушку успокаивают друзья (русские и российские немцы), и диалог между персонажами продолжается уже на немецком языке.

В художественном дискурсе российских немцев, переехавших в ФРГ, наблюдаем снижение объема русского кода, что обусловлено редакторской деятельностью немецких издательств, которые стараются приблизить произведения к немецкому читателю, не знающему в своем большинстве русского языка. Функция «межкультурных связей в моделировании художественного целого» (данную функцию выделяет коллектив авторов на материале художественных текстов других писателей-билингвов (Викулова, Еременко, Смирнова, 2023, с. 93)), в художественном дискурсе российских немцев в Германии со временем, безусловно, ослабевает.

Перейдем к прозе современной писательницы, живущей в ФРГ, Ирины Петер «Als sie gingen, nahmen sie alles mit» («Когда они ушли, они забрали все с собой»).

Als das Flugzeug wieder deutschen Boden berührt, hängt meine Seele noch irgendwo zwischen den Wolken, die wie eine schmutzige Daunendecke über Frankfurt schweben. Ich bin weit gereist, um etwas zu finden, das schon lange in mir lag. Meine Heimat ist kein Ort, weder in Kasachstan, wo ich geboren wurde, noch in Deutschland, wo ich lebe. Meine Heimat ist meine Sprache, zu der neben dem Deutschen noch das Russische gehört. Es sind die Erzählungen meiner Eltern über ihre Eltern und deren Eltern. Es sind die Spitznamen, die mein Vater uns Kindern gibt: «Puppa» für meine Schwester, «der Student» für meinen Bruder, «Beltschik» für mich, wenn ich nichts angestellt habe, und «dummer Bolschewik» wenn ich mal wieder tollpatschig war. Meine Heimat sind Blintschiki (Bliny), die meine Mutter immer zum Frühstück macht, wenn ich bei meinen Eltern übernachtete und die mir niemals so fein gelingen werden (Peter, 2019, с. 68–69).

(«Когда самолет снова касается немецкой земли, моя душа все еще висит где-то между тучами, которые плывут над Франкфуртом, как грязное пуховое одеяло. Я путешествовала далеко, чтобы найти то, что было внутри меня долгое время. Мой дом — это не место, ни в Казахстане, где я родилась, ни в Германии, где я живу. Мой дом — это мой язык, в который входят немецкий и русский. Это рассказы моих родителей о своих родителях и их родителях. Это прозвища, которые отец дает нам, детям: “куколка” для моей сестры, “студент” для моего брата, “бельчик” для меня, когда я не делала ничего плохого, и “глупый большевик”, когда я была неуклюжа. Мой дом — это блинчики (блины), которые моя мама всегда готовит на завтрак, когда я ночую в доме родителей, и которые я никогда не смогу приготовить так хорошо»).

В данном отрывке эксплицитно говорится, что родина автора — это ее язык, к которому она наряду с немецким относит и русский. Обращает на себя внимание словосочетание *meine Sprache* (мой язык). Язык состоит для автора из двух языков, т. е. у нее не два родных языка, а один, в котором происходит слияние двух языков. Такой поэтический образ создает Ирина Петер для научного понятия «билингвизм».

Придуманые отцом автора словечки, вошедшие в семейный обиход, также несут печать билингвизма: Puppe (не Puppe), русск. *кукла*, немецкое слово Puppe снабжено русским окончанием -а. Лексема Beltschik *бельчик*, написано латиницей, производное от *бельчонок*, малоупотребительно в русском языке. Когда автор была маленькой девочкой, она исказила, по всей вероятности, слово *бельчонок*, превратила его в *бельчик*. Оно осталось в семейном обиходе благодаря прозвищу, употребляемому отцом. Dummer Bolschewik (*глупый большевик*) — веселая перифраза, содержащая реалию из русской истории. Следующий пример: Blintschiki (Bliny). Автор употребляет важный для нее диминутив *блинчики*, в скобках она делает отсылку на нейтральное русское слово и широко распространенное в Германии русское кулинарное блюдо *блины*.

Речемыслительная деятельность творческой билингвальной личности, как показывает наш анализ, характеризуется пристальным вниманием к языку, к описанию его особенностей, фиксацией отличий, связанных с идентичностью авторов — российских немцев. Две языковые системы передают культурный опыт конкретной семьи.

Заключение

В рамках статьи мы проследили проявление художественного билингвизма писателей — российских немцев в текстах различных временных периодов: с 1920-х до 2020-х годов. Установлено, что он возникает практически вскоре после приезда первых переселенцев и продолжает развиваться по настоящее время, когда большинство российских немцев выехали на свою историческую родину.

В макаронических песнях находит отображение сначала несовершенное владение русским языком немецкими колонистами, а со временем в приведенной прозе и драматических текстах констатируем активное владение русским уже практически на уровне родного языка. После массового переселения российских немцев на историческую родину в их художественном дискурсе наблюдается спад применения языковых элементов из русского языка.

Для художественного билингвизма «попеременное использование языков» не является столь важным критерием при выборе способа выражения или описания двух культур двумя системами, как можно было бы ожидать, исходя из определений билингвизма. Частотность употребления русских лексем и грамматически маркированных русизмов со временем снижается, особенно это заметно в текстах писателей — российских немцев, публикуемых в ФРГ.

В советскую и постсоветскую эпоху русский язык используется в художественном дискурсе часто для негативных коннотаций, но это не является правилом. Творческая билингвальная личность продуцирует также ситуации

с позитивной коннотацией при помощи русских лексем. Они связаны с понятиями родины, патриотизма, характеристикой положительных персонажей и т. д.

Художественный билингвизм будет, безусловно, сохраняться, пока существуют российские немцы и их художественное творчество. Художественный билингвизм не зависит от такого признака, как количество иноязычных (в нашем случае — русских) лексических единиц, инкорпорированных в текст. Их может быть совсем небольшое количество, но они очень важны для творческой билингвальной личности, которая наполняет их различными значимыми для нее смыслами. Отметим важность критерия «глубокое владение обоими языками», позволяющего взглянуть на описываемый предмет, явление или человека с различных ракурсов. Данный критерий наиболее релевантен для характеристики способов выражения и описания двух культур в рамках художественного билингвизма.

При переезде российских немцев в немецкоязычную среду художественно одаренные билингвы в своем большинстве стараются сохранить свой русский язык, однако изменяется подача материала и приемы ввода русскоязычных единиц разного объема. Писатель-билингв, создающий художественные тексты, чаще прибегает к семантизации русских и гибридных лексем, разъяснению оттенков их смыслов, предлагает немецкие эквиваленты. Все эти способы объясняются стремлением быть понятными для широкого круга читателей, возможностью реализовать свой творческий продукт в торговой сети (книги с большой количественной составляющей русского языка не будут продаваться в ФРГ). Даже редкое, и в том числе однократное, использование русизмов или русских фраз и лексем на фоне немецкоязычного (часто с использованием родного диалекта) повествования свидетельствует о билингвальных компетенциях и талантах российских немцев.

Проведенный анализ показывает, что существует многообразие приемов осмысления действительности авторами-билингвами, изучение которых интересно профессиональным лингвистам (германистам без знания и германистам со знанием русского языка), а знакомство с ними — читателям (российским немцам, немцам, а также русским, владеющим немецким языком). Virtuозное владение русским языком писателями — российскими немцами отличает их от коренных немцев, является неотъемлемой частью их идентичности, позволяет им играть языками, извлекая выгоду от знания нюансов двух неродственных языков, приводит к новым творческим находкам, появление и изучение которых практически безгранично.

Список источников

1. Розенцвейг, В. Ю. (1972). *Языковые контакты: Лингвистическая проблематика*. Наука. Ленинградское отделение.
2. Вайнрайх, У. (1979). *Языковые контакты: состояние и проблемы исследования*. Вища школа.

3. Балеевских, К. В. (2002). *Свой среди чужих?* https://vestnik.yspu.org/releases/nouve_Issledovaniy/12_2/
4. Рябцева, О. М. (2011). Билингвизм в современном мире. *Известия ЮФУ. Технические науки*, 10, 116–123.
5. Шамне, Н. Л., Шовгенин, А. Н. (2008). Теоретические основы изучения языковых контактов. *Вестник ВолГУ*, 1, 72–77.
6. Туксайтова, Р. О. (2005). Художественный билингвизм: к определению понятия. *Известия Уральского государственного университета*, 39, 198–206.
7. Бахтикиреева, У. М. (2005). *Художественный билингвизм и особенности русского художественного текста писателя-билингва* [Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Москва].
8. Меркурьева, В. Б., & Каскевич, Н. Л. (2017). Языковые особенности макаронической песни российских немцев. *Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык*, 1, 65–77.
9. Николаев, С. Г. (2004). Иноязычие как метакомпонент художественного текста (к вопросу о билингвеме в поэзии). *Филологический вестник Ростовского государственного университета*, 3, 28–33. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=323&level1=main&level2=articles>
10. Ахманова, О. С. (2013). *Словарь лингвистических терминов*. Рипол Классик.
11. Du schönes Eupatoria. (2013). *Historisch-kritisches Liederlexikon*. http://www.liederlexikon.de/lieder/du_schoenes_eupatoria/editiona
12. Bertleff, I. (2009). Спи, младенец мой прекрасный (Schlaf, mein schönes Kind) *Historisch-kritisches Liederlexikon*. http://www.liederlexikon.de/lieder/spi_mladenec_moj_prekrasnyj
13. Köln, R. (1982). *Durch die Schule des Lebens. Heimatliche Weiten*, 2, 5–136.
14. Heinz, V. (1993). *Menschen und Schicksale. Auf den Wogen der Jahrhunderte* (S. 79–134). Raduga-Verlag.
15. Викулова, Л. Г., Еременко, Г. А., Жукоцкая, А. В., Змазнева, О. А., Кожевников, С. Б., Михайлова, С. В., Рянская, Э. М., Тарева, Е. Г., Тройникова, Е. В., Смирнова, А. И., & Черненькая, С. В. (2023). *Язык, культура, социум: essentia et existentia*. Монография. Книгодел.
16. Peter, I. (2019). Als sie gingen, nahmen sie alles mit. Artur Böpple (Hg.). *Zwischen-Heimaten* (S. 63–69).

References

1. Rosenzweig, V. Yu. (1972). *Language contacts: Linguistic problems*. Nauka. Leningradskoe otdelenie. (In Russ.).
2. Weinreich, W. (1979). *Language contacts: the state and problems of research*. Vishha shkola. (In Russ.).
3. Baleevskikh, K.V. (2002). *Your own among strangers?* (In Russ.).
4. Ryabtseva, O. M. (2011). Bilingualism in the modern world. *Izvestiya SFedU. Engineering Sciences*, 10, 116–123. (In Russ.).
5. Shamne, N. L., & Shovgenin, A. N. (2008). Theoretical foundations of the study of language contacts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 72–77. (In Russ.).

6. Tuksaitova, R. O. (2005). Artistic bilingualism: towards the definition of the concept. *Izvestiya Ural Federal University Journal*, 39, 198–206. (In Russ.).
7. Bakhtikireeva, U. M. (2005). *Artistic bilingualism and the peculiarities of the Russian literary text of a bilingual writer* [Abstract of the dissertation for the PhD (Philology): 10.02.01. Moscow]. (In Russ.).
8. Merkuryeva, V. B., & Kaskevich, N. L. (2017). Linguistic features of the macaronic song of the Russian Germans. *Crede Experto: transport, society, education, language, 1*, 65–77. (In Russ.).
9. Nikolaev, S. G. (2004). Foreign language as a meta-component of a literary text (on the issue of bilingualism in poetry). *Filologicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universitet*, 3, 28–33. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=323 & level1=main&level2=articles> (In Russ.).
10. Akhmanova, O. S. (2013). *Dictionary of linguistic terms*. Ripoll Classic. (In Russ.).
11. Du schönes Eupatoria. (2013). *Historisch-kritisches Liederlexikon*. http://www.liederlexikon.de/lieder/du_schoenes_eupatoria/editiona (In German).
12. Bertleff, I. (2009). Спи, младенец мой прекрасный (Schlaf, mein schönes Kind) *Historisch-kritisches Liederlexikon*. http://www.liederlexikon.de/lieder/spi_mladenec_moj_prekrasnyj (In German).
13. Köln, R. (1982). Durch die Schule des Lebens. *Heimatliche Weiten*, 2, 5–136. (In German).
14. Heinz, V. (1993). Menschen und Schicksale. *Auf den Wogen der Jahrhunderte* (S. 79–134). Raduga-Verlag. (In German).
15. Vikulova, L. G., Eremenko, G. A., Zhukotskaya, A. V., Zmazneva, O. A., Kozhevnikov, S. B., Mikhailova, S. V., Ryanskaya, E. M., Tareva, E. G., Troynikova, E. V., Smirnova, A. I., & Chernenkaya, S. V. (2023). *Language, culture, society: essentia et existentia*. Monograph. Knigodel. (In Russ.).
16. Peter, I. (2019). Als sie gingen, nahmen sie alles mit. Artur Böpple (Hg.) *Zwischen-Heimaten* (S. 63–69). (In German).

Информация об авторе

Вера Брониславовна Меркурьева — доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ.

Information about the author

Vera B. Merkurjewa — D. Sc. (Philology), Professor, Professor of Romano-Germanic Philology Department, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, ISU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflict of interest.